

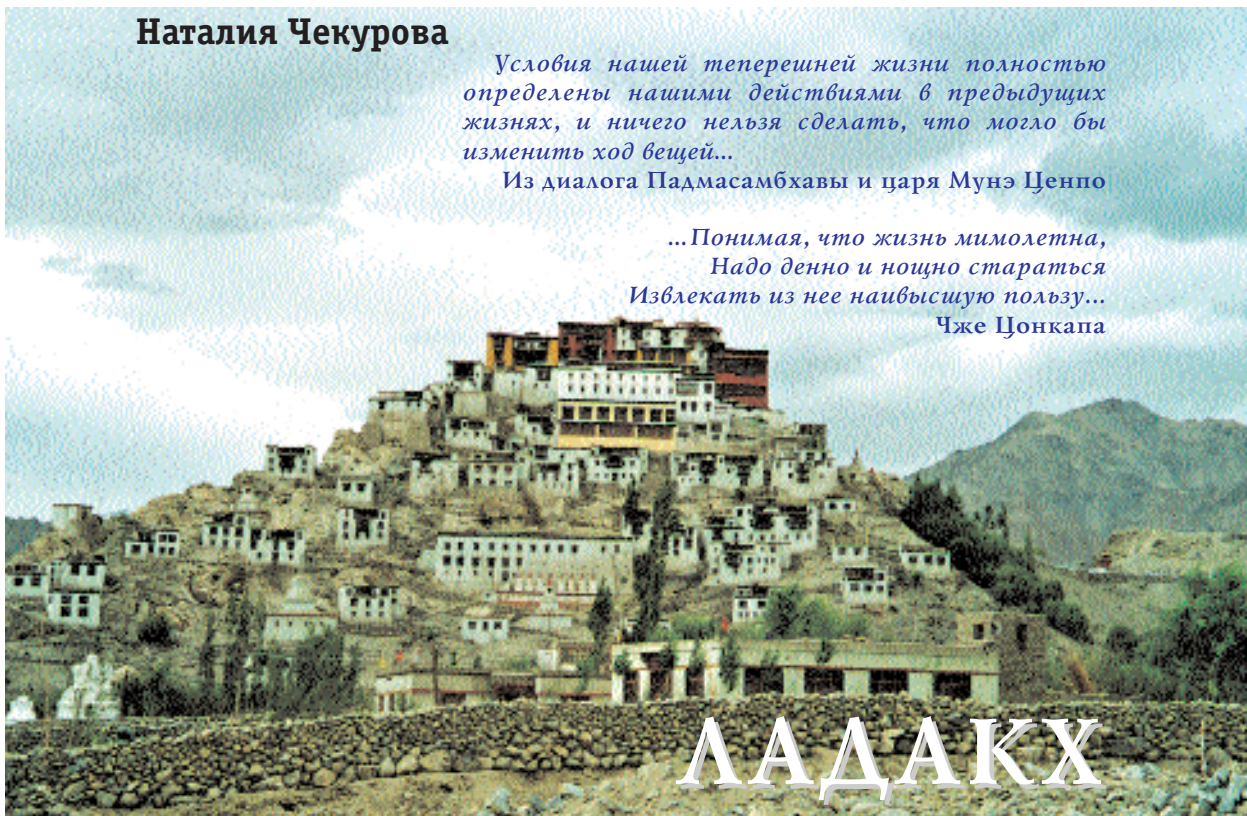

Наталия Чекурова

Условия нашей теперешней жизни полностью определены нашими действиями в предыдущих жизнях, и ничего нельзя сделать, что могло бы изменить ход вещей...

Из диалога Падмасамбхавы и царя Мунэ Ценпо

*...Понимая, что жизнь мимолетна,
Надо денно и ночью стараться
Извлекать из нее наивысшую пользу...
Чже Цонкапа*

ЛАДАКХ

Самый малодоступный и малозаселённый регион современной Индии, административно отнесённый к восточной части штата Джамму и Кашмир, Ладакх являет собой высокогорную, пустынную область, укрывшуюся между цепями Каракорума и Гималаями. Востоковедам он известен как один из последних оплотов тибетского (махаянского) буддизма в индийских Гималаях.

Намерение посетить эту землю зрело во мне давно. Движимая любопытством, так свойственным и простительным женщине, я хотела лицезреть красоты Малого Тибета, столь блистательно описанные путешественниками, побывавшими здесь до меня и так же, как и я, вдохновлёнными рассказами их предшественников. В исторических хрониках череда этих любознательных иноземцев всплывает из глубины веков, около 8–10 вв. н.э., когда Ладакх впервые посетили несторианские христиане-миссионеры.

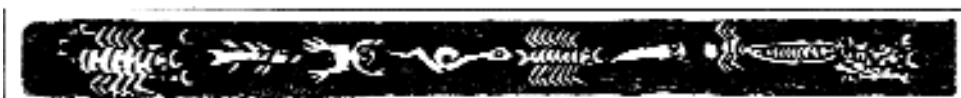
Июль был выбран для начала путешествия не случайно, поскольку только в короткие три летних месяца открываются высокогорные перевалы, ведущие в Ладакх со стороны штата Химачал-Прадеш и Кашмира. Это одновременно и возможность посетить другие долины Малого Тибета – Лахул, Спити и Занскар, причем в первые две можно добраться на джипе или автобусах, а вот в последнюю – только пешком или верхом на лошади. Несколько необычный путь в Ладакх был продиктован ещё давнишним жела-

Наталия Эрнстовна
Чекурова – главный
менеджер отдела
международных культурных
программ Международного
Центра-Музея имени
Н.К. Рериха.

Монастырь Тик-це. Современная фотография и картина Н. Рериха (1925).

нием увидеть Золотой Храм сикхов в Амритсаре (штат Пенджаб). В итоге маршрут выглядел следующим образом: самолётом из Москвы через Ашхабад до Амритсара, затем на машине до Джамму, откуда перелёт в Лех, столицу Ладакха. Спустя неделю предполагалось возвращение по самой высокогорной дороге в мире с остановкой в Кейлонге – центре Лахула в долину Куллу и, наконец, переезд в Дели.

Все стыковки маршрута замечательно выглядели на бумаге, но совсем другое дело – осуществить это в реалиях российской и индийской ментальности, которая нас так сблизает и лозунг которой «торопиться некуда, господа-товарищи». Однако, как ни удивительно, но в положенный срок я оказалась в расчётной точке маршрута – Лехе.

Люди, боги и основы их мирного сосуществования

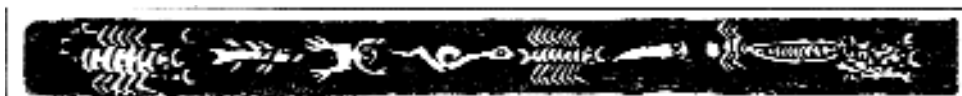
Название «Ладакх» в переводе со стародакского означает «Страна высоких горных перевалов», хотя, по правде, уви-

денное и землёй-то назвать было трудно. Горы и камни, устрашающе голые и дикие. Может быть, такой была Мать-Природа на заре рождения мира, в ту пору, когда человек еще не разделил его своим эстетическим видением и оценочным суждением и когда красоту эту созерцали только боги и духи.

Люди пришли в эту долину через перевал Чанг-Ла со своими стадами яков, коз и овец в поисках новых пастбищ, заставив духов гор потесниться, а их потомки, которых называют *чангпа*, до сих пор населяют район Чанг-Тханг. Зимы здесь необычайно суровые, а лето сухое и знойное, и камни, нагретые палящим солнцем, лопаются, обнажая в разломах разноцветно-пёстрые полосы омертвевших слоёв времени.

Главное богатство чангпа – *паши*, тонкий подшёрсток коз. В Кашмире ремесленники делают из него знаменитые на весь мир шали *пашимина*. Славится Чанг-Тханг и шерстью *шах-туш*. Эта тончайшая шерсть, которую пастухи собирали с кустов, где её счёсывали тибетские

антилопы, ценилась поистине на вес золота. Почти ничто не изменилось в ритме жизни кочевников с тех времён. Они по-прежнему, как и тибетцы, заплетают длинные волосы в косы, одеты в длинные халаты и обуты в красные вязаные сапоги на толстой подошве.

Вслед за ними из нижних долин Индии пришли *моны*, вероятно, принесшие сюда буддизм ещё задолго до того, как он распространился в Тибете. Часть монов стала земледельцами или ремесленниками, кто-то освоил музыкальное искусство и веселил местный люд на деревенских свадьбах и празднествах. Их называют *беды*. Однако эта профессия в Ладакхе не в почете, «бардов» считают низшей кастой, за один стол вместе с ними никто не сядет, даже привал они обычно устраивают за оакицей деревни.

На протяжении веков в Ладакх, помимо кочевников чангпа и монов, приходили арийцы *дарды*, мусульмане *балти*. Они пасли скот, возделывали землю на террасах, сооружённых на каменистых склонах, строили монастыри и храмы. Из-за отдалённости этого региона и оград, надёжно выставленных самой природой, – высочайших горных хребтов, путешественник, которому посчастли-

Дорога к монастырю Тик-це.

вится добраться сюда, будет щедро вознаграждён увиденным, которое, казалось бы, осталось запечатлённым только на страницах этнографических изданий прошлого века.

Лех ведёт отсчет с 17 в., когда правитель Ладакха Сентге Намгьял перевёл сюда свой двор, чтобы быть поближе к началу торгового коридора в Китай. А вскоре Лех оказался на перекрёстке уже нескольких важнейших центральноазиатских караванных путей, чем объясняется некоторый космополитический колорит города, разительно отличающий его от столиц соседних княжеств. Сегодня смолк перезвон колокольчиков проходящих мимо караванов, вместо них раздаются гудки непрерывно сигнализирующих джипов и мотоциклов, а на местном базаре, выстроенном ещё в позапрошлом веке, вместо торговцев войлоком из Туркестана, Хотана и Яркенда – праздношатающиеся иностранные туристы, с любопытством осматривающие поделки местных ремесленников из бронзы, горного хрусталя, бирюзы и красных кораллов. К счастью, такие перемены коснулись лишь рыночной экономики региона, а всё изображённое на старых картинах и фотографиях – слепков с прошлого, можно и сегодня повторить с точностью до малейших деталей с небольшой скидкой на наложенную временем сеть трещинок-морщин на каменных изображениях будд и бодхисатв и на слегка потускневшие краски фресковых росписей стен монастырей. Даже провалы в лестнице королевского дворца, до сих пор возвышающегося над городом неприступной громадой, сохранились в неприкосновенности со времени их описания Юрием Рерихом. А долина ступ (чортенов), находящаяся в нескольких километрах от Леха, и сегодня напоминает сюрреалистические видения.

Удивительная сохранность реликвий вызывает восхищение. Конечно, можно сослаться на благоприятный климат: здесь практически нет дождей, поэтому дерево и краски живут дольше, чем во влажном воздухе. Но мы ведь прекрасно знаем, что время не уничтожает так быстро и подчас безжалостно, как сам человек. Поэтому склоним голову пред всеми живущими на этой земле за постоянство и верность своей вере. Меняются поколения, но неизблемыми остаются здесь святость традиций и непрерывающаяся линия их

преемственности. Кто же они, сегодняшние потомки тех, кто населял эту землю с незапамятных времён, как обрели они и как хранят свою веру?

Учение Победоносного

Согласно тибетским историческим хроникам, задолго до распространения тибетского языка и культуры на западно-тибетском плато и в бассейне верховьев Инда существовало независимое государство, известное как Шангшунг, распространявшее свои владения и на территорию нынешнего Ладакха. Государственной религией была религия *бон*, основанная Шенрабом Миво. Одни последователи бон считают его современником Будды Шакьямуни, другие – его перевоплощением. Учение Будды проникло в Ладакх в первые века нашей эры из Кашмира, где в тот период жили многие известные ученые брамины (*пандиты*). Двое из них – Сурьекта и его ученик Соманатха – упоминаются в тибетской истории как великие учителя и знатоки Калачакрантры. В 8 в. н.э. во времена правления в Тибете царя Трисонг Дэцэна буддизм был объявлен государственной религией. Однако к середине 9 в. с приходом к власти царя Лангдармы, приверженца бон, на буддизм начинаются гонения, монастыри закрываются, монахам приказывают объявлять себя последователями бон. Тем не менее, учение Будды смогло не только выжить, но и впоследствии дать силу так называемой второй волне распространения буддизма в Тибете. Ладакх в тот период и политически, и духовно находился под властью западных царей Тибета, поэтому все события, о которых пойдёт речь ниже, имели к нему самое непосредственное отношение.

Иронией судьбы или усмешкой истории, с нашей точки зрения, и абсолютно кармически закономерным, с восточной точки зрения, можно считать тот факт, что человеком, не только положившим свою жизнь на изучение и сохранение буддизма, но и буквально заплатившим за это ею, стал праправнук Лангдармы царь Ценпо Кхоре, добровольно передавший власть своему младшему брату и по принятию монашества взявший имя Лха-Лама Ёше О. Он послал в Кашмир двадцать одного юношу для изучения санскрита и буддийской Дхармы. Вернулись обратно только двое – Ринчен Сангпо и Легпэ Шераб, ставшие

Майтрейя – будда будущего. Монастырь Ликкир.

впоследствии знаменитыми переводчиками и учёными. Ринчену Сангпо принадлежит также заслуга строительства монастырской обители в Алчи (11 в., Нижний Ладакх), деревянная скульптура и фрески которой считаются непревзойдёнными шедеврами, достоянием мировой культуры.

Вместе с ними в монастырь Тхолинг прибыли индийские *пандиты*– знатоки Дхармы, а 978 г. стал считаться началом возрождения буддизма в Тибете. Ладакх в этот же период становится независимым королевством, которым управлял один из потомков западной династии тибетских царей.

Ёше О понимал, что для возрождения буддизма требовался Учитель, чей авторитет и знания были бы неоспоримы для всех верующих, то есть тот, кто смог бы, подобно Падмасамбхаве, вновь утвердить Учение Будды в Тибете. Единственным человеком, удовлетворявшим этим высоким требованиям, был великий махаянский *пандит* Атиша (Дипанкара Шпи Джняна), живший и преподававший в то время в индийском монастыре-университете Викрамашила, к которому и отправились посланники Ёше О с дарами и письмом следующего содержания:

Тибет долгое время был лишён своей религии. Если Вы именно такой человек,

В шерстяных шапочках щеголяют и стар и млад.

каковым я Вас считаю, то есть великий учитель и истинный мастер буддизма, Вы приедете, чтобы помочь нам. Я – человек изнывающий, жаждущий услышать Ваших наставлений. С огромным нетерпением жду Вашего приезда.

Буддизм в Индии тоже переживал период упадка, поэтому Атиша, полагавший, что он ответственен за сохранение учения в своей стране, не принял ни приглашения, ни подарков. Обескураженный неудачей, но непреклонный в решимости заполучить великого учителя, Ёше О подумал, что, возможно, посланного золота оказалось недостаточно, и тогда, чтобы раздобрить его, начинает военные действия против соседей – мусульман *гарлогов*.

Это решение, по тем временам весьма заурядное, вызывает всё же недоумение: ведь принял его не мирянин (ведь даже царь – мирянин), а монах, который таким образом изменил одному из основных постулатов буддизма о непричинении вреда ни одному живому существу. В то же время Ёше О сделал этот нравственный выбор, нарушив монашеские обеты, именно для укрепления и распространения Дхармы. Какова же развязка этой драмы, как развернулась беспристрастная цепь причинно-следственной

связи поступков и воздаяния для самого Ёше О и государства?

Сам он был пленён и брошен в тюрьму, а царь гарлогов предложил ему выбор: отказ от буддизма в обмен на свободу или выкуп золотом, равный весу пленника. Внучатому племяннику Ёше О не удалось собрать нужное количество золота. Он посещает своего дядю в тюрьме и получает от него указание не отдавать выкуп вообще, а всё собранное золото отправить с посланниками Атише. Однако ещё до того, как новое посольство достигло монастыря Викрампшила, пришла весть о смерти Ёше О от истощения. Когда Атише сообщили о случившемся, он сказал: «Воистину, этот царь – Бодхисаттва! Я не могу не подчиниться воле этого великого святого!»

Итак, нарушенные обеты были восстановлены искупительной жертвой человеческой жизни, а Тибет вскоре обрёл великого учителя Атишу, восстановившего чистоту Дхармы и её власть. В общей сложности 12 лет провёл Атиша в Тибете, вплоть до своего ухода в 1054 г. он и его ученики перечитывали и корректировали тибетские переводы буддийских текстов, проясняя

Диковинные одежды местных жителей привлекают внимание туристов.

трудные места и давая свои комментарии. Так энергия мысли Ёше О, соединённая с непреложностью воли её посланного, обрела мощь стрелы, взрезавшей плоть времени для окончательного утверждения в Тибете, а равно и в Ладакхе, учения Победоносного, которое живо здесь и по сей день.

Хемис Сетчу

Самый надёжный способ увидеть за короткий срок как можно больше – это прибыть в Лех к началу буддийской мистерии *чам* – фестивалю Хемис Сетчу, замечательному событию каждого лета в Ладакхе. Первый день церемонии определяется в соответствии с лунным календарем, чаще всего событие это падает на период между серединой июля и началом августа (в прошлом году чам начался 9 июля).

Хемис – один из самых крупных и богатых монастырей в Ладакхе – принадлежит к секте *друпа* школы *кагью* и занимает ведущую позицию в ламаистской иерархии религиозной власти региона. По преда-

нию, именно здесь, в монастыре Хемис, хранилась рукопись, свидетельствующая о пребывании в Тибете Христа, о годах его ученичества, впоследствии попавшая в архив Ватикана. Фестиваль – важное событие не только для монахов монастыря, готовящихся к нему всю зиму, но и для мирян, не упускающих прекрасную возможность подзаработать на продаже всего и вся толпам иностранных туристов.

В канун праздника с раннего утра изо всех отдалённых уголков долины сюда начинает стекаться деревенский люд, заполняя дороги и тропки, ведущие к обители. Монастырь расположен в ложбине и долго-долго не открывается взгляду, и только длинные древние молитвенные стены *мани*, сложенные паломниками из священных камней-подношений, застывшими стрелами указывают путь к нему. Красочные ручейки людского потока, то исчезающая, то застывая яркими разливами из остановившихся перевести дух на крутом подъёме верующих, вдруг предстают взору слившимися в широкую человеческую реку,

Усыпанный драгоценностями перак символизирует змею.

медленно втекающую в открытые врата буддистской обители. Монастырь гудит, словно огромный улей. По случаю праздника над главным входом в храм висит огромная *танка*, закрывающая собой два этажа здания. Как и в миру, в монастыре также соблюдается четкая субординация: лучшие места отведены для представителей ладакхской знати, чиновников высокого ранга и иностранных туристов. Места платные, и всюду снуют молодые монахи, продающие билетки. Если повезёт, то можно протиснуться на «главную сцену» – во внутренний двор монастыря, напротив центрального храма Дукханга. Здесь тоже следят за порядком монахи, а им помогают полицейские.

Вооружённые всевозможной съёмочной техникой иностранцы начинают настоящую охоту за облачёнными в диковинные одежды местными жителями. Кто-то, смущаясь выражением такого восторженного любопытства, закрывает лицо рукой, некоторые, наоборот, с достоинством позируют. Сегодня не часто можно увидеть на спинах ладакхских женщин козью шкуру. Издревле предназначенная для защиты одежды при переносе поклажи, она стала своего рода данью традиции, преимущественно среди пожилых женщин. Двух таких модниц мне удалось отыскать в праздничной толпе. Ещё реже в наши дни встречается головной убор *перак* – главное богатство любой ладакхской красавицы, совсем недавно занимавший особое место в её гардеробе. Усыпанный драгоценностями перак символизирует змею. Расширяющийся ко лбу, как капюшон кобры, и суживающийся к поясу, он заканчивается хвостом с подвешенными к нему золотыми и серебряными пластинками, а по бокам украшен мерлушкой. Рассказывают, что поначалу у перака не было отворотов, и принцесса Ладакха постоянно жаловалась на боль в ушах в холодные зимы. Кто-то посоветовал ей закрывать уши, и она стала носить перак с мерлушкой, что скоро вошло в моду. На кожу, из которой сделан перак, нашивается бирюза (*нир* или *пер* на староладакхском). Камешки начинают собирать с детства. Перак может быть украшен бирюзой в три и больше рядов, порой до десяти, их число – показатель богатства и социального статуса владелицы. У самых дорогих пераков кожаная часть может быть позолочена и украшена драгоценны-

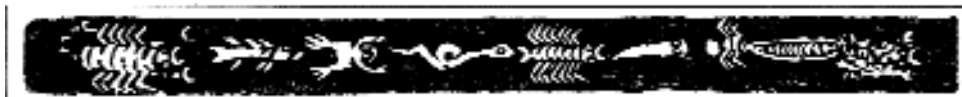

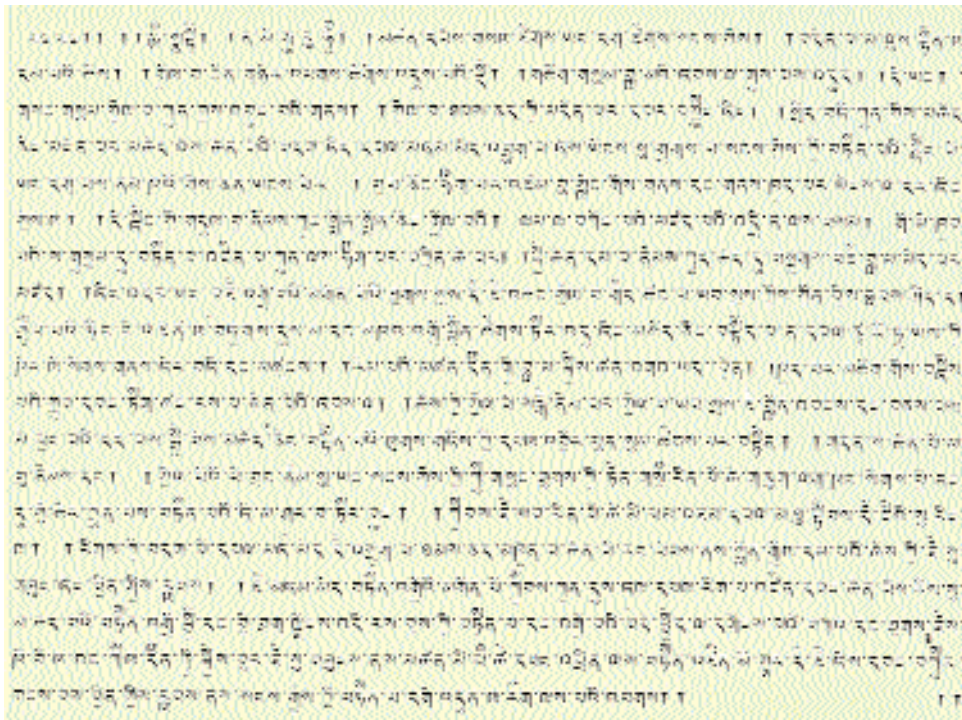
Над главным входом в храм вывешена огромная танка.

ми камнями, а у тех, что попроще, покрыта ракушками *каури*, привозимыми из Индии и Китая. Старшая дочь наследует перак от матери, затем передает его в качестве приданого своей старшей дочери. В трудные времена хозяйка рода может продать часть камней и золота со своего перака, чтобы пережить лихую годину.

Традиционные пераки стали редкостью, на смену им пришла *гонда*, высокий тканый головной убор. Нарядные гонды делают из шелка и украшают вышивками. Хотя чаще всего местные жители носят привычный для нас атрибут – шерстяные вязаные шапочки, щеголяют в них все – и стар и млад, как и большинство пришедших на праздник.

Возникновение мистерии *чам* – священных танцев в масках божеств – связывают с именем Гуру Римпоче (Падмасамбхавы),

Документ, свидетельствующий об основании монастыря Химис.

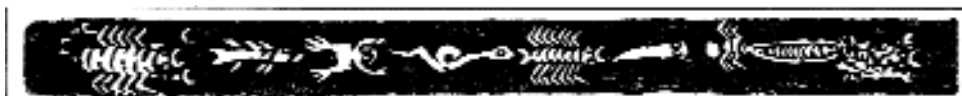
который благодаря этому ритуалу одолел и подчинил духов-защитников религии бон, обвязав их дать клятву служения Дхарме. Всё это происходило при сооружении Самье – первого буддистского монастыря в Тибете. Секрет одержанной Гуру Римпоче победы заключался в искусном владении *тантрой*, величайшим знатоком могущественных *мантр* и ритуалов которой он являлся. Смысл понятия «тантра» (или «тантраяна») заложен в словосочетании, из которого оно состоит: на тибетском это звучит как *санг-нгаг*, сокращенно – *нгаг*. *Санг*-тайна, то есть практика этой уникальной системы наставлений, хранится в тайне от всех, кто ещё не посвящён ни в одну из систем тантры. Слово *нгаг* – перевод санскритского термина *мантра*. «Мана» означает «разум», «тра» – «защита или спасение». Таким образом, тантра – это путь тайных наставлений, защищающих или спасающих разум от омраченности и ведущих к просветлённому состоянию Будды.

Для большинства собравшихся зрителей, как местных жителей, так и иностранных туристов, эти танцы предстают скорее как зрелище захватывающее, динамичное, притягивающее своей необычностью,

даже иногда пугающее, но, тем не менее, носящее характер в большей степени развлекательный, нежели мистический. Однако для тантрических лам высокого ранга, ревностно следящих за движениями танцующих, определяющих точную и неукоснительно соблюдаемую последовательность всех действий и событий мистерии, происходящее наполнено глубочайшим сакральным смыслом таинства. Сам монастырь Самье, где, по преданию, проходила первая мистерия чам, был выстроен в соответствии с буддийским представлением о строении Вселенной и являл собой трехмерную мандалу. Цивилизованный Запад только сейчас начинает приоткрывать завесу, скрывающую за кажущейся простотой и иногда даже нарочитой примитивностью ритуальных танцев тайны мироздания, тщательно охраняемые от неподготовленного и невежественного в этом смысле сознания.

Преломлённая через линзу времени и под влиянием различных исторических обстоятельств, традиция чам предстает перед нами в виде ряда традиций, представленных преимущественно в буддистском регионе Гималаев, Монголии и Бурятии, где она начинает постепенно возрож-

даться. Тот ритуал, который мне посчастливилось наблюдать в Хемисе, относится к чаму Йидамов.

Йидам является верховным владыкой мандалы, воплощающей в себе, с одной стороны, «психо-космическую» диаграмму мироздания, а с другой – мифическую внеземную обитель божества-владыки («небесный дворец»), населённую также его божественной свитой. Йидам и его окружение становятся главными персонажами разворачивающейся мистерии, а четырёхугольный монастырский двор с кругами, по которым

движутся исполнители, – мандалой.

Сам ритуал начинается задолго до момента, когда танцевальное действие выплескивается на всеобщее обозрение. Всю долгую зиму в монастыре идут репетиции священных танцев. Пожилые ламы передают свои знания молодым монахам, имеющим посвящение в тантрийские практики,

закрытые очистительные ритуалы и готовится один из главных персонажей мистерии – вылепленная из теста фигурка человека,

обучая их к а ж д о м у движению, сначала по отдельности,

олицетворяющая собой врага веры или невежественное и омрачённое человеческое сознание, которое мешает ему встать на путь просветления.

а затем объединения в группы. Маски надеваются значительно позже, когда танцоры полностью освоят рисунок танца. За день-два до начала чама в храме проводятся специальные

Количество участников, отведённые роли, последовательность выхода персонажей – всё это изначально было скрупулезно и чётко описано в ритуальных текстах – руководствах по священным танцам. Со временем в различных монастырях церемония

освояет рисунок танца. За день-два до начала чама в храме проводятся специальные

стала либо обрастать дополнительными сценами, не предусмотренными первоначальным каноном, либо, напротив, значительно упростилась. Однако сюжет представления неизменен – это драма омрачённого человеческого сознания, заключённого во временной и смертной оболочке, проходящей непрерывную цепь рождений и смертей в «Круге жизни», то погружающейся в пучины адов, то воспаряющей в божественные миры небожителей, но везде испытывающей различные формы страдания.

Эта «отравленность» страданием – удел всех живых существ, обитателей буддийского колеса бытия – Бхавачакры. Гневные маски божеств, их устрашающая атрибутика вызывают у западных туристов недоумённые вопросы и создают превратное представление о буддийском учении. Дело в том, что некоторые практики в буддизме призваны, устрашая, «дисциплинировать» разум как самого практикующего, так и тех, кто его окружает. Обыденный разум обитателей самсары «омрачён» самим фактом присутствия в нём основополагающего неведения и поэтому все живые существа в ней обречены творить, наряду с благими, и неблагие деяния. Идея порочности неведения, укоренившегося в нашем сознании, метафорически представлена образом врага, поскольку

ку большинству из нас привычно деление окружающих на друзей, недругов и незнакомцев, людей посторонних, к которым мы не испытываем никаких чувств. Всем знакомы чувства ненависти, любви или ревности, возникающие в общении с окружающими, поэтому в контексте *тантры* «омрачённость» рассматривается как враг человека.

Апофеоз мистерии – сцена уничтожения врага веры, когда владыка мандалы Йидам и его помощники, исполняя грозный танец смерти и произнося заклинания, рассекают фигурку человека на части. Зрители должны понимать аллегорию происходящего: фигурка суть совокупность всех человеческих пороков и прежде всего невежества, а не какое-либо живое существо. Сам Будда Шакьямуни принимал во время своих проповедей гневные формы, которые так воздействовали на слушающих, что возбуждали в них отвращение к порокам, становились эффективным средством их уничтожения. Поэтому все персонажи чама – фигуры божеств, животных, защитников, людей, владык кладбищ – призваны зародить в зрителях сострадание, прежде всего в отношении угнетённости собственной «омрачённостью», которое затем трансформируется в неукротимый гнев, направленный на сам порок неведения.

К началу второго акта представления мне удалось перебраться во внутренний круг зрителей, сидевших в непосредственной близости от разворачивающегося действия. Это было настоящей удачей, поскольку народ всё время прибывал, и небольшой по размерам двор монастыря уже с трудом вмещал всех желающих. Подпираемая коленками теснящихся сзади и облепленная любопытными ручонками малышей, желавших непременно посмотреть в окошечко объектива, я пыталась сразу вместить в себя множество ощущений и от происходящего на сцене, и от окружавших меня людей. Всё первое действие я просидела на крыше пристройки, расположенной прямо напротив главного монастырского храма в окружении таких же туристов, где царила атмосфера лёгкого и даже, можно сказать, снисходительного любопытства к происходящему. Совсем другое дело, когда ты находишься в окружении тех, кому это представление знакомо с детства, и заранее известно, кто сейчас выйдет на сцену и от кого надо пря-

таться или вовремя успеть отпрыгнуть, когда на тебя понесётся дикая орда облачённых в костюмы «скелетов» владык кладбищ, и понятно, что ещё секунда – и ты будешь просто сметён этой «нечистой силой», а вдобавок ещё и визг, крики соседей.

Вот это настоящая мистерия! Даже если ты так ничего и не понял в хитросплетении сюжета, всё равно становишься непосредственным участником, ты – герой, та борющаяся с пороками, страдающая, боящаяся и радующаяся душа, что вместе с душами таких же сидящих рядом братьев и сестёр по счастью и несчастью мучается теми же вопросами и полагается на единственное – на свою веру.

К четвёртым часам дня представление завершилось, и людские ручейки потекли вниз по склону к оставленным у дороги джипам и автобусам, чтобы теперь уже моторизированная людская река понеслась в быстром течении обратно в Лех.

Фото автора

В оформлении использованы иллюстрации из книги: Annales du Musée Gvimet. T. 3. Le Bouddhisme an Tibet. Paris, 1881. PГБ: W 178/2. Н.К. Рерих. Алтай – Гималаи. М., 1999. Norberg-Hodge Н. Ancient Futures Learning from Ladakh. Delhi, 1998.

